

Фриц
Лейбер

ВСЕМИРНАЯ
ПРЕМИЯ
ФЭНТЕЗИ

МАТЕРЬ ТЬМЫ

УЖАС,
КОТОРЫЙ ЗАСТАВИТ
ВАШ РАЗУМ
ПОШАТНУТЬСЯ

Хозяева тьмы

Фриц Лейбер
Матерь Тьмы

«ЭКСМО»

1977

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лейбер Ф. Р.

Матерь Тьмы / Ф. Р. Лейбер — «Эксмо», 1977 — (Хозяева тьмы)

ISBN 978-5-04-173796-2

Пытаясь справиться с гибелью любимой женщины, Франц Вестерн долго топил горе в алкоголе. И вот, когда он, казалось бы, готов начать возвращаться к привычной жизни, Франц начинает видеть странную фигуру, которая машет ему рукой. В попытке исследовать этот феномен, он обнаруживает, что находится буквально в шаге от действительно пугающего и значимого открытия. Оккультные силы спят в сердце городов и, возможно, связаны с ними более прочными узами, чем нам хотелось бы... Силы тьмы уже здесь. От автора работ, награжденных премиями «Хьюго», «Локус» и Всемирной премией фэнтези, Грандмастера «Небьюлы» и обладателя премии Лавкрафта за вклад в развитие жанра. Роман, который считают итоговым в творчестве Фрица Лейбера. В книге есть целая система оккультной науки о связи магических сил и построения городов. Среди героев — Г. Ф. Лавкрафт, Кларк Эштон Смит, Джек Лондон и Алистер Кроули. То самое фэнтези, которое поможет увидеть нечто удивительное в обыденном. Тонкое переплетение пугающей мистики с долгой прогулкой по Сан-Франциско, каким он был в 1970-х годах. Настоящий подарок для вдумчивого читателя! «Написанная в конце карьеры Лейбера, "Матерь тьмы" показывает писателя, полностью овладевшего всеми тайнами своего ремесла». — speculiction.blogspot «Благодаря тонкому сочетанию реальных исторических личностей с личностями, созданными им самим, Лейбер отдает дань уважения тем, кто был до него. Жанр ужасов — довольно иерархичный жанр, опирающийся на влияние прошлых авторов способами, которые постоянно развиваются и развиваются в новых направлениях, так что этот подход кажется очень правильным». — horrortree «Тот вид ужаса, который заставляет ваш разум пошатнуться от его ошеломляющей формы, монолитной концепции, которая кажется слишком нереальной, чтобы быть возможной». — yellowedandcreased

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-173796-2

© Лейбер Ф. Р., 1977

© Эксмо, 1977

Содержание

1	7
2	8
3	12
4	17
5	20
6	21
7	26
8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фриц Лейбер

Матерь Тьмы

Fritz Leiber
OUR LADY OF DARKNESS
Copyright © 1977 by Fritz Leiber

© Гришин А., перевод на русский язык, 2022

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

* * *

А вот третья сестра, младшая из всех (тише, о *ней* говорят только шепотом)... Царство ее невелико, и ни одна плоть не может существовать в нем; власть в этом царстве она не делит ни с кем. Голова ее, увенчанная короной, подобна башне, как у Кибелы, и возносится ввысь, куда с трудом проникает взгляд. Она никогда не склоняется. Глаза ее устремлены вверх и *могут* быть не видны издали, но, будучи тем, что они есть, они не могут быть сокрыты; сквозь тройную траурную вуаль, которую она носит, пронзительный свет обнаженного горя, не упокоевающегося ни утром, ни вечером, ни в полдень, ни в полночь, ни во время прилива, ни в час отлива, легко различим даже с земли. Она не покоряется Богу. И еще, она мать безумия и покровительница самоубийц. Глубоко проникают корни ее могущества, но малочислен народ, которым она правит, поскольку ей открыт доступ лишь к тем, чья внутренняя природа перевернута с ног на голову страшными конвульсиями, к тем, в ком сердце трепещет, а мозг колеблется под ударами внешних невзгод и внутренней бури. Матерь двигается осторожно; быстро ли, медленно ли, но шаг ее всегда исполнен трагической грации. Матерь Вздохов подкрадывается исподтишка, поворовски. Но ее младшая сестра движется непредсказуемо, скачками, тигриными прыжками. Она не носит ключей; нечасто являя себя людям, она, подобно урагану, вышибает двери, в которые ей позволено войти. Имя ее – *Mater Tenebrarum*, Матерь Тьмы.

Томас де Куинси.
«Левана и Три Матери Печали»
Suspiria de Profundis

1

ОДИНОКИЙ крутой холм под названием Корона-Хайтс был черен, как смоль, и совершенно безмолвен, как сердце незнакомца. Он неотрывно смотрел вниз, на северо-восток, в сторону нервных, ярких огней центра Сан-Франциско, словно огромный ночной хищник, терпеливо ищущий добычу на своей территории.

Растущая луна, которой оставалось лишь немного пополнеть, чтобы превратиться в правильный диск, уже зашла, и звезды на вершине черного небосвода сохраняли бриллиантово-четкую яркость. На западе низко стелились волны тумана. На востоке же, за деловым центром города и тоже укрытой туманом бухтой, вдоль вершин невысоких холмов за Беркли, Оклендом, Аламедой и отстоящей еще дальше горой Дьявола (Маунт-Дьябло), тянулась узкая призрачно светящаяся лента, предвещавшая близкую зарю.

Потускневшие к исходу ночи огни улиц и домов Сан-Франциско боязливо, будто и впрямь имели дело с опасным зверем, со всех сторон окружали Корона-Хайтс. А вот на самом холме не было ни единого огонька. Снизу было бы почти невозможно различить его зазубренный хребет и причудливые утесы, венчающие вершину (которых избегали даже чайки) и то тут, то там вырастающие из грубых бесплодных склонов, которые лишь изредка ощущали прикосновения тумана, но месяцами не видели дождя.

Однажды, когда алчность наберет еще большую силу, чем сегодня, а благоговение перед первозданной природой еще больше ослабнет, холм, возможно, снесут бульдозерами, но пока что он вполне был способен порождать панический ужас.

Холм был слишком дик и бесформен для обычного парка, но все же на нем, вопреки здравому смыслу, устроили спортивную зону. Действительно, там имелось несколько теннисных кортов, травянистые лужайки скромных размеров, невысокие здания и неширокая полоса крепких сосен вдоль подножия, вокруг его основания, и над всем этим грубо и презрительно-отчужденно возвышалась обнаженная гора.

И теперь что-то вроде бы зашевелилось в густой тьме. Трудно сказать, что именно. Возможно, одна или несколько городских диких собак, способных сойти за ручных, невзирая на то, что уже не одно поколение их предков вело бездомную жизнь. (Если вы в большом городе видите собаку, занимающуюся своими делами, никому не угрожающую, ни перед кем не заискивающую, ни к кому не пристающую – словом, ведущую себя как добропорядочная горожанка, имеющая работу и не имеющая времени на всякие глупости, – и если у этой собаки нет бирки или ошейника, то можете не сомневаться, что это не хозяин у нее нерадивый: просто она дикая и хорошо приспособленная к своему образу жизни.) Возможно, какое-то более неистовое и скрытное животное, никогда не подчинявшееся власти человека, но жившее рядом с ним почти незамеченным. Возможно, мужчина (или женщина), настолько погрязший в дикости или психозе, что ему (или ей) стал не нужен свет. Или, может быть, просто ветер.

И вот восточная полоса сделалась темно-красной, все небо, с востока на запад, посветлело, звезды померкли, и Корона-Хайтс явил миру свою скореженную, сухую, бледно-коричневую поверхность.

Однако сохранялось впечатление, что холм забеспокоился, выбрав, наконец, свою жертву.

2

ДВА ЧАСА СПУСТЯ Франц Вестен посмотрел в открытое окно на раскрашенную ярко-красным и белым тысячефутовую телебашню, возвышающуюся в лучах утреннего солнца из сугроба снежно-белого тумана, который все еще полностью скрывал находящиеся в трех милях Сатро-Крест и Твин-Пикс, но уже сполз с бледно-коричневого горба Корона-Хайтс. Телебашня (ее можно было бы назвать сан-францисской Эйфелевой башней) была широкоплечей, с тонкой талией, и длинноногой, как красивая и стильная женщина (или полубогиня). В наши дни она служила связующим звеном между Францем и вселенной, точно так же, как человеку надлежит быть связующим звеном между атомами и звездами. Разглядывать ее, восхищаться ею (почти благоговеть перед нею) было его неперменным утренним ритуалом приветствия вселенной, его подтверждением того, что их общение продолжается, после чего он готовил кофе и возвращался в постель с планшетом и блокнотом, чтобы приступить к ежедневной работе по написанию рассказов в жанре сверхъестественного ужаса – в частности, его хлеб с маслом, сочинению новеллизаций телепрограммы «Странное подполье», дабы зрительская кодла могла еще и почитать, если желание появится, книжки, наполненные чем-то вроде смеси колдовства, Уотергейта и щенячьей любви, которой ее пичкали с телеэкранов. Где-то с год назад он в этот час сосредоточился бы на своих несчастьях и стал бы беспокоиться о первой за день рюмке (удастся ли выпить ее сейчас или все выпито прошлой ночью?), но это, как говорится, было давно и неправда.

Вдали слабо перекликались друг с дружкой мрачные туманные сирены. Мысли Франца ненадолго метнулись на две мили за спину, туда, где залив Сан-Франциско окутывает еще более мощное одеяло тумана, из которого торчат лишь четыре вершины пилонов первого пролета моста, ведущего в Окленд. Под этой поверхностью, от которой тянуло ледяным холодом, даже если ее не видеть, прятались потоки извергающих вонючий дым нетерпеливых автомобилей, болтливые корабли и слышный рыбакам на маленьких лодках сквозь глубины вод и грязное дно жуткий рев катящихся по трубе поездов БАРТ¹, которые перевозят на работу основную массу пассажиров.

В его комнату проникали танцевавшие в морском воздухе веселые, сладкие ноты менуэта Телемана, звучавшие из магнитофона Кэл двумя этажами ниже. Ведь она поставила эту запись, чтобы порадовать его, сказал себе Франц, хоть он и старше ее на двадцать лет. Он посмотрел на написанный маслом портрет своей покойной жены Дейзи, висевший над кроватью рядом с рисунком телебашни, выполненным паутинными черными линиями на большом прямоугольном флуоресцентном красном картоне, и не почувствовал укола совести. Три года пьяного горя (рекордные по продолжительности поминки!) стерли все это и закончились почти ровно год назад.

Его взгляд опустился от портрета на все еще наполовину неубранную кровать. На нетронутой половине, той, что ближе к стене, лежали длинная, пестрая куча журналов, издания научной фантастики в мягкой обложке, несколько еще не освобожденных от упаковки детективных романов в твердом переплете, парочка ярких салфеток, привезенных домой из ресторанов, с полдюжины блестящих маленьких «Золотых путеводителей» и книжки «Познание через цвет». Все это служило ему развлекательным чтением (тогда как рабочие материалы и справочники были разложены на журнальном столике рядом с кроватью), эти книги были его главными – чуть не единственными – компаньонами на протяжении трех лет, когда он валялся, в дугу пьяный, тупо таранился на телевизор в другом конце комнаты и то и дело принимался

¹ BART (Bay Area Rapid Transit) – «Скоростная система Зоны залива», система метрополитена в городах Сан-Франциско и Окленд.

листать их, бездумно рассматривая яркие, легкие странички. Лишь месяц назад ему вдруг пришло в голову, что их веселая случайная россыпь складывается в стройную фигуру беззаботной женщины, лежащую рядом с ним поверх одеяла, оттого-то он никогда и не клал их на пол, оттого-то он и довольствовался половиной кровати, оттого-то и сложил из них произвольно нечто вроде женской фигуры с длинными-длинными ногами. По аналогии с «голландской женой» – длинными тонкими валиками, которые в тропических странах кладут в изножье кровати, чтобы ноги лежали на них и не так потели, – он назвал получившееся «Любовницей Ученого», что означало тайную для окружающего мира подружку по играм, лихую, но прилежную девушку по вызову, стройную сестричку, не боящуюся развлечения в виде кровосмешительной связи, вечную спутницу его писательского творчества.

Бросив ласковый взгляд на нарисованную маслом умершую жену и с теплым вождением думая о Кэл, продолжавшей ради него насыщать утренний воздух нотами прекрасной музыки, он негромко, с заговорщической улыбкой, обратился к стройной кубистической фигуре, занимавшей всю внутреннюю часть кровати: «Не волнуйся, дорогая, ты всегда будешь самой дорогой моей девочкой, правда, мы никому ничего об этом не скажем», – и отвернулся к окну.

Именно телевизионная башня, вся такая современная, стоящая вон там, на Сатро-Крест, все еще глубоко погружающая в туман три длинные ноги, снова первой подсекла его на крючке реальности после продолжительного побега в пьяные сны. Поначалу башня с ее большими красно-белыми конечностями на фоне голубого неба (или, как сейчас, торчащими из тумана) казалась ему невероятной кричащей дешевкой, еще более чужеродной, чем небоскребы в этом некогда самом романтичном из городов, непристойным воплощением вопиющего мира продаж и рекламы, олицетворением наихудшего из возможных применений американского флага, вроде полосок барберпола и мясистых толстых казенных звезд перед ним. Но через некоторое время она, вопреки его воле, начала впечатлять его своими мерцающими по ночам красными огнями (Ох, сколько же их! Он насчитал девятнадцать: тринадцать постоянных и шесть мигающих), затем ненавязчиво привлекла его интерес к другим далям городского пейзажа и к настоящим звездам, находящимся так далеко за его пределами, а в удачные ночи и к луне, пока он не стал, несмотря ни на что, снова страстно интересоваться всем сущим. И этот процесс не прервался и продолжался. До тех пор, пока Сол не заявил ему на днях:

– Сомневаюсь, что стоит радостно встречать каждую новую реальность. Можно ведь столкнуться и с чем-то таким, что вовсе не обрадует.

– Хорошо сказано, как и подобает служителю психиатрической больницы, – ответил Гуннар.

А Франц тут же откликнулся:

– А что? Такого полным-полно, куда ни плюнь. Концлагеря. Микробы чумы.

– Я не имел в виду такие крайности, – сказал Сол. – Я, скорее, думал о том, с чем некоторые из моих парней сталкиваются в больнице.

– Но ведь это не реальность, а галлюцинации, проекции, архетипы и так далее, не так ли? – не без удивления заметил Франц. – Если и реальность, то, конечно, *внутренняя*.

– Иногда я в этом не уверен, – медленно сказал Сол. – Да и кому знать, что к чему, если сумасшедший скажет: «Я только что видел привидение»? Внутренняя это или внешняя реальность? Кто сможет это определить? Вот ты, Гуннар, что скажешь, если один из твоих компьютеров начнет выдавать показания, которых быть не должно?

– Что он перегрелся, – убежденно ответил Гун. – Не забывай, что мои компьютеры – это нормальные люди, с которых можно начать, а не чудачки и психотики вроде твоих ребят.

– А что такое «нормальный»? – возразил Сол.

Франц улыбнулся двум своим приятелям, жившим в соседних квартирах этажом ниже его номера и выше квартиры Кэл. Кэл тоже улыбнулась, хотя и не так широко.

Он снова взглянул в окно, выходящее в узкую шестиэтажную шахту (туда же смотрело и окно Кэл) между этим зданием и следующим, плоская крыша которого находилась примерно на уровне пола его квартиры. Сразу за ней, ограничивая его поле зрения с обеих сторон, торчали белые, как кость, в пятнах, оставленных дождями, задние стены – почти без окон – двух многоэтажек, тянувшиеся далеко вверх.

Между ними оставалась довольно узкая щель, но через нее он мог видеть всю реальность, необходимую для поддержания контакта. А если ему хотелось большего, всегда можно было подняться на два этажа, на крышу, что он часто и делал в эти дни и ночи.

От этого здания, расположенного в нижней части Ноб-Хилл, море крыш опускалось и опускалось, а затем снова поднималось и поднималось, детали уменьшались с расстоянием, и все уходило в полосу тумана, скрывавшую темно-зеленый склон Сатро-Крест и нижнюю часть треножника телевышки. Но на полпути из моря крыш поднялась бледно-коричневая в утреннем солнечном свете фигура, напоминавшая присевшего зверя. На карте она называлась просто Корона-Хайтс. Уже несколько недель она дразнила любопытство Франца. Вот и сейчас он сфокусировал свой маленький семикратный бинокль «Никон» на голых землистых склонах и горбатом хребте, резко выделяющемся на фоне белого тумана. Можно было лишь недоумевать, почему холм не застроили. В больших городах определенно имеются какие-то странные включения. Это похоже на грубый обломок, вздыбившийся после землетрясения 1906 года, сказал он себе, улыбаясь ненаучной фантазии. «Мог ли этот бугор получить название Корона-Хайтс из-за того, что на его вершине беспорядочно громоздятся громадные корявые валуны?» – спросил он себя, легонько повернув рифленое колесико, отчего камни на мгновение резко и четко вырисовались на фоне тумана.

Довольно тонкий бледно-коричневый камень отделился от остальных и помахал ему. Черт возьми, это просто бинокль в руках прыгает от сердцебиения! Никак нельзя увидеть через бинокль четкие ясно различимые изображения. А может быть, это соринка в глаз попала, микроскопическая крошка, дрейфующая в глазной жидкости? Нет, вот, снова! Как он и подумал в первый раз, какой-то высокий человек в длинном плаще или тусклой мантии двигался, словно танцуя. С расстояния двух миль нельзя разглядеть человеческие фигуры во всех подробностях даже при семикратном увеличении – можно получить лишь общее впечатление о движениях и позе. Они казались упрощенными. Тощая фигура на Корона-Хайтс двигалась довольно быстро, может быть, танцевала, высоко размахивая руками, но это и все, что можно было о ней сказать.

Опустив бинокль, Франц широко улыбнулся при мысли о каком-то типе, вроде хиппи, приветствующем утреннее солнце ритуальными скачками на только что появившейся из тумана вершине холма в центре города. И, конечно, с песнопениями того сорта, что приводят в бешенство любого, кому доведется услышать их в непосредственной близости, – противные воющие улюлюканья, похожие на визг сирены, который и сейчас доносится откуда-то издалека. Скорее всего, кто-то из Хейт-Эшбери. Чокнутый или обдолбанный жрец современного бога солнца пляшет вокруг случайно подвернувшегося Стоунхенджа на вершине холма. В первый миг это слегка ошарашило Франца, но затем показалось очень забавным.

Внезапно ворвался ветер. Закрыть окно? Нет, ветерок тут же затих. Просто случайный порыв.

Он положил бинокль на стол рядом с двумя тонкими старыми книжками. Верхняя, в грязно-сером переплете, была открыта на титульном листе, незатейливый шрифт и примитивный макет которого извещали, что она относится к прошлому веку – неряшливая работа дурного типографа, не помышлявшего о художественности. «Мегаполисомантия: новая наука о городах», Тибо де Кастри. Вот забавное совпадение! Он вдруг подумал: может статься, что этот (кто он там, жрец-наркоман в мантии землистого цвета или, кстати, шизанутый рокер!) и есть одно из тех самых «тайных проявлений», предсказанных чокнутым старпером Тибо в

книге, написанной не более и не менее как в 1890-х годах. Франц сказал себе, что должен еще немного полистать ее, и другую книгу тоже.

Но не сейчас, резко одернул он себя, оглянувшись на журнальный столик, на котором поверх большого конверта из крафт-бумаги с подписанным адресом его нью-йоркского агента и даже наклеенными марками лежала распечатанная рукопись только что законченной повести «Странное подполье. Выпуск 7: Башни измены». Вернее, практически законченной – не хватало лишь штриха в завершающем описании, а Франц очень хотел доработать и добавить-таки в текст исправленный кусок. По его мнению, читатели должны получать за свои деньги что-то достойное, невзирая на то, что этот цикл представлял собой заурядное явление литературного эскапизма, а для автора был в лучшем случае побочным творческим продуктом.

Но на этот раз, сказал он себе, повесть все же останется без завершающего штриха, а нынешний день будет выходным, ведь у него начало слагаться представление о том, как хотелось бы этот день провести. Почувствовав чуть заметный укол совести при мысли о том, что, хоть и по мелочи, он обманывает читателей, Франц оделся, приготовил себе чашку кофе, чтобы взять ее к Кэл, и зажал под мышкой две тонкие старые книги (он хотел показать их ей), а в карман куртки положил бинокль – на тот случай, если вновь приспичит взглянуть на Корона-Хайтс и его придурковатого скального бога.

3

В ХОЛЛЕ Франц миновал покрашенную в черный цвет запертую дверь без ручки, за которой находился заброшенный чулан для швабр, тоже запертую и тоже черную дверцу поменьше старого желоба для белья или кухонного лифта (никто не помнил, что именно скрывалось за ними) и большую позолоченную дверь лифта со странным черным окном рядом с ней и спустился по лестнице с красной ковровой дорожкой, которая изгибалась под прямым углом отрезками по шесть, три и шесть ступенек вокруг шахты прямоугольного сечения, спускавшейся от тусклого светового люка двумя этажами выше его квартиры. На следующем, пятом, этаже (тут жили Гун и Сол) он не остановился, лишь окинул взглядом обе их двери, находившиеся по диагонали друг от друга возле лестницы, и спустился на четвертый.

На каждой лестничной площадке он видел еще какие-то странные черные окна, которые невозможно было открыть, и еще несколько черных дверей без ручек в пустых холлах с красными коврами. Удивительно, но в старых зданиях имелись тайные места, которые на самом деле не были никак скрыты – их просто не замечали, как, скажем, пять больших вентиляционных каналов, снабженных окнами, которые некогда покрасили черным, чтобы скрыть ветхость шахт, и заброшенные чуланы для тряпок и ведер, ставшие ненужными, после того как не стало дешевой прислуги, а еще в плинтусах плотно закрытые крышками круглые отверстия пылесосной системы, которая наверняка не включалась несколько десятков лет. Он сомневался, что хоть кто-то из жильцов этого дома когда-либо сознательно видел все это, кроме него самого, только что пробужденного к реальности видом башни и всего остального. Сегодня они заставили его на мгновение вспомнить старые времена, когда это здание, вероятно, было маленькой гостиницей с похожими на обезьянок мальчиками-посыльными и с горничными, которых его воображение рисовало француженками в коротких юбках, с зазывным низким смехом (скорее, неряхами без предрассудков насчет того, чтобы подзаработать случайными связями, поправил рассудок). Он постучал в дверь с номером 407.

Кэл, как это иногда бывало, выглядела серьезной семнадцатилетней школьницей, витающей в грезах, а не на свой настоящий возраст – на десять лет старше. Длинные темные волосы, голубые глаза, спокойная улыбка. Они дважды переспали, но сейчас не стали целоваться – это могло показаться самонадеянным с его стороны, ведь она никак не намекнула, что ей хочется этого, к тому же он сам не очень понимал, насколько далеко хотел бы зайти. Она пригласила его разделить с нею завтрак, который готовила. Ее комната была точно такой же, как у него, но выглядела намного лучше – она идеально все отремонтировала с помощью Гуннара и Сола («У меня так хорошо не получится», – в очередной раз подумал Франц). Зато из ее окна вообще ничего не было видно. У окна стоял пюпитр и электронное пианино, представлявшее собой клавиатуру и черный ящик с динамиком, к которому можно было подключать наушники, чтобы заниматься, не нарушая тишины.

– Я спустился, потому что услышал, как ты крутишь Телемана, – сказал Франц.

– А что, если я решила таким образом приманить тебя? – рассеянно бросила Кэл, продолжая возиться с плитой и тостером. – Знаешь, в музыке есть магия.

– Ты имеешь в виду «Волшебную флейту»? – спросил он. – Твой магнитофон не без успеха играет ее роль.

– Волшебство имеется во всех деревянных духовых инструментах, – заверила она. – Считается, что Моцарт уже в ходе работы изменил сюжет «Волшебной флейты», чтобы он не слишком походил на сюжет оперы его конкурента – «Зачарованный фагот».

Франц рассмеялся и продолжил:

– Музыкальные ноты обладают по крайней мере одной сверхъестественной способностью. Они могут левитировать, летать по воздуху. Конечно, слова тоже это могут, но не так хорошо.

– Откуда ты это взял? – спросила она через плечо.

– Из мультфильмов и комиксов, – ответил он. – Словам, чтобы воспарить, нужны пузыри, а вот ноты просто вылетают из фортепиано или чего-то еще.

– У них есть маленькие черные крылышки, – заявила она, – по крайней мере, у восьмушек и тех, что еще короче. Но это чистая правда. Музыка может летать... Она высвобождается сама и обладает силой высвобождать многое другое, заставляя его летать и кружиться.

Он кивнул.

– Вот если бы ты освободила ноты этого инструмента и позволила им кружиться в воздухе, когда занимаешься на клавишине, – сказал он, глядя на электронный инструмент, – вместо того, чтобы держать их запертыми в наушниках...

– Это не понравится никому, кроме тебя, – уверенно сказала она.

– Есть еще Гун и Сол, – ответил он.

– Их комнаты выходят в другие стороны. Да и тебе самому очень скоро надоели бы гаммы и арпеджио.

– Сомневаюсь, – сказал он. А потом поддразнил: – Но, может быть, у клавишина ноты чересчур дзинькают и не годятся для магии?..

– Отвратительное слово! – возмутилась она. – И все равно ты ошибаешься. *Дзинькающие* (тьфу!) ноты тоже могут творить чудеса. Вспомни колокольчики Папагено – во «Флейте» ведь не один вид волшебной музыки.

Они ели тосты и яйца, запивали все это соком. Франц сообщил Кэл о своем решении отправить рукопись «Башни измены» как есть, без окончательной доработки.

– В итоге мои читатели так и не узнают, какие звуки издает шредер, уничтожающий документы. Да и какая разница? Я честно посмотрел эту серию по ящику, но когда колдун-сатанист запахнул туда руны, из машинки повалил дым. Глупость, правда же?

– Хорошо, что ты сам об этом сказал, – резко бросила она. – Ты и без того слишком много сил тратишь на переписывание этого дурацкого сериала. – Выражение ее лица вдруг изменилось. – И все же, не знаю... Я ведь воспринимаю тебя как профессионала, не в последнюю очередь благодаря тому, что ты, что бы ни делал, всегда пытаешься выжать все возможное. – Она улыбнулась.

Он почувствовал еще один слабый укол совести, но легко подавил его.

– Знаешь, у меня есть отличная идея, – сказал он, когда она подливала ему кофе. – Пойдем-ка сегодня на Корона-Хайтс. Я думаю, оттуда будет отличный вид на центр города и Залив. Чуть ли не до места можно будет добраться на «муни»², да и на холме вряд ли понадобится много карабкаться.

– Ты забыл, что я должна репетировать перед завтрашним концертом и в любом случае не могу рисковать руками, – сказала она с чуть заметным упреком в голосе. И тут же добавила, виновато улыбувшись: – Но не отказывайся от прогулки из-за меня. Почему бы тебе не пригласить Гуна или Сола? Мне кажется, они сегодня как раз выходные. Гун с удовольствием куда-нибудь вскарабкается. И где этот Корона-Хайтс?

Он объяснил, помня, что она не питает к Фриско того страстного и яркого интереса новообращенного, какой владел им.

– Наверное, это рядом с парком Буэна-Виста, – сказала она. – Ты бы лучше туда не ходил. Совсем недавно там произошло несколько убийств, связанных с наркотиками.

² Muni metro – название современной трамвайной системы Сан-Франциско.

– Туда я и не собираюсь, – сказал он. – И, сдаётся мне, насчет Хайтс ты слишком уж тревожишься. За последние несколько лет там стало гораздо тише. Кстати, в одной из поистине сказочных лавок старьевщиков я добыл вот эти две книги.

– Ах да, ты же собирался показать их мне, – сказала она.

Франц вручил ей ту, которая была открыта, со словами:

– Я видел много псевдонаучных книг, но эта едва ли не самая захватывающая из всех. Тут попадаются и вполне здравые идеи, но все это перемешано с настоящей чушью. Даты выпуска нет, но я считаю, что ее издали примерно в 1900 году.

– «Мегаполисомантия», – медленно прочитала вслух она. – Что бы это могло быть? Предсказание будущего по городам?..

– По *большим* городам, – уточнил он, кивнув.

– О да, «мега».

Он продолжал:

– Предсказание будущего, и все такое прочее. А еще, по-видимому, и сотворение магии на основе этого знания. Хотя де Кастри называет это «новой наукой», как будто он второй Галилей. Во всяком случае, этот де Кастри очень обеспокоен «огромным количеством» стали и бумаги, которые накапливаются в больших городах. А также ископаемого топлива (он почему-то особо выделяет керосин) и природного газа. И электричества, представь себе; он тщательно подсчитывает, сколько электричества протекает по стольким-то тысячам миль провода, сколько тонн светильного газа в баках, сколько стали в новых небоскребах, сколько бумаги расходуется для правительственных отчетов и желтой журналистики и так далее.

– Ой-ой-ой... – прокомментировала Кэл. – Интересно, до чего он додумался бы, если бы жил сегодня.

– Самые мрачные его предсказания, без сомнения, оправдались. Он серьезно размышлял о растущей угрозе автомобилей и бензина, но прежде всего – электромобилей, несущих в батареях целые ведра натурального электричества. Он вплотную подошел к нашим современным страхам перед «огромными скоплениями гигантских дымящихся чанов» серной кислоты, необходимой для производства стали. Но что его больше всего беспокоило, так это психологические или духовные (он называет их «параментальными») эффекты накопления всей этой дряни в больших городах, масса нетто ее жидких и твердых составляющих.

– Прямо протохиппи какой-то, – усмехнулась Кэл. – Что это был за человек? Где жил? Чем еще занимался?

– В книге об этом не говорится ровным счетом ничего, – ответил Франц, – и я никогда не находил других упоминаний о нем. В своей книге он довольно часто упоминает Новую Англию, и Восточную Канаду, и Нью-Йорк, но только в общих чертах. Он также несколько раз упомянул Париж (в связи с Эйфелевой башней) и Францию. И Египет.

Кэл кивнула:

– А вторая книга?

– Это весьма интересно, – сказал Франц, вручив ей книжечку. – Прежде всего, это вовсе не обычная книга, а тетрадь со страницами из рисовой бумаги, тонкой, как луковая шелуха, в переплете из плотного жатого шелка цвета, пожалуй, чайной розы; вернее, такой обложка была, пока не выпела. Писали в ней фиолетовыми чернилами тонкой перьевой авторучкой и заполнили лишь на четверть. Остальные страницы пусты. И, знаешь, когда я купил эти книги, они были перевязаны вместе куском старой бечевки. Судя по всему, так они пролежали не один десяток лет – на обложках отчетливо видны следы веревок.

– Угу, – согласилась Кэл. – С того самого 1900 года? Миленькая тетрадка. Вот бы и мне завести такую же для дневника.

– Тетрадка и впрямь хороша. Но связали их вместе не раньше 1928 года. Пара-тройка записей датирована, и все они, кажется, сделаны на протяжении нескольких недель.

– Он был поэтом? – спросила Кэл. – Даже не читая, видно характерное расположение строчек. И кто же все это писал? Старина де Кастри?

– Нет, определенно не де Кастри, но его автор этих записок безусловно читал. А вот поэтом, пожалуй, он был. Вообще-то, мне кажется, что я угадал, чей это дневник, хотя доказать это будет нелегко, поскольку он ни разу нигде не подписался. Я думаю, что это был Кларк Эштон Смит.

– Я слышала это имя, – сказала Кэл.

– Наверное, от меня, – ответил Франц. – Он тоже сочинял ужастики с уклоном в сверхъестественное. Богатейшая фантазия, роковое стечение судеб и все такое. «Тысяча и одна ночь» в китайском стиле. По духу произведения похожи на «Шуточки смерти» Беддоуса. И как раз здесь, в Сан-Франциско, в 1928 году он и начал писать свои лучшие рассказы. Я сделал ксерокопию этого дневника и дал ее Джейми Дональдусу Байерсу, авторитетному специалисту по Смиту, который живет поблизости, на Бивер-стрит (кстати, совсем рядом с Корона-Хайтс; по карте хорошо видно), и он показал ее де Кампу (который полностью уверен, что это Смит) и Рою Сквайрсу (который так же твердо уверен, что это не Смит). Сам Байерс в полной растерянности. Говорит, что нет никаких сведений о том, что Смит в те годы на сколько-нибудь заметный срок приезжал в Сан-Франциско, и что, хотя почерк похож на руку Смита, он выдает куда больше нервозности, чем замечалось в каких-либо других его рукописях... Но у меня есть основания полагать, что Смит держал свою поездку в тайне и имел серьезный повод для крайнего волнения.

– Вот это да! – воскликнула Кэл. – Ну ты и накрутил тут! Но я понимаю почему. Это же *très romantique*³, чего стоит одно только ощущение этого ребристого шелка и рисовой бумаги под пальцами.

– У меня была особая причина, – сказал Франц, сам не зная почему, понизив голос. – Видишь ли, я купил эти книжки четыре года назад, еще до того, как переехал сюда, и много раз читал и перечитывал этот дневник. Человек, любивший писать фиолетовыми чернилами (лично мне кажется, что это был Смит), раз за разом описывает, как «посещал Тиберию на Родосе, 607». На самом деле дневник полностью – или почти полностью – представляет собой отчет о серии таких бесед. Это самое «Родос», или «Родс»⁴, и номер 607 засели у меня в памяти, так что, когда я отправился подыскивать жилье подешевле и мне показали здешнюю комнату...

– Конечно же, это номер твоей квартиры, 607, – перебила его Кэл.

Франц кивнул:

– Я понял, что это было предопределено или каким-то таинственным образом предрешиено. Как будто я долго искал «Родос 607» и в конце концов нашел его. В те дни у меня было много загадочных пьяных идей, и я не всегда знаю, что делал и где был; например, я напрочь забыл, где находился тот сказочный магазин, где я купил эти книги, и его название, если оно у него было. Вообще-то, я был по большей части пьян в то время... Тот период...

– Совершенно верно, – согласилась Кэл, – но, к счастью, ты не буйствовал. Мы с Солом и Гуном решили позаботиться о тебе и уломали Доротею Луке и Бониту, – добавила она, имея в виду перуанку, управлявшую домом, и ее тринадцатилетнюю дочь. – Но даже тогда тебя никто не принял бы за обыкновенного пьянчугу. Доротея сказала, что ты пишешь «выдумки, чтобы пугать, *espectros y fantasmas de los muertos y las muertas*», но она считает тебя джентльменом.

Франц рассмеялся.

– «Призраки и духи мертвых мужчин и мертвых дам». Как это по-испански! И все же, держу пари, ты и подумать не могла... – он осекся, не договорив.

³ Очень романтично (*фр.*).

⁴ Родс – по-английски название греческого острова Родос, где несколько лет провел в изгнании будущий император Древнего Рима Тиберий, и распространенная фамилия Родс, в честь представителей которой были даны многие названия улиц и т. п., пишутся одинаково – «*Rhodes*».

– Что я когда-нибудь лягу с тобой в постель? – закончила за него Кэл. – Не будь так категоричен. У меня всегда были эротические фантазии насчет мужчин постарше. Ты лучше скажи мне, как эта история с Родсом-Родосом уложилась в твоём странном тогдашнем мозгу?

– Она так и не уложилась, – признался Франц. – Хотя я все же думаю, что любитель фиолетовых чернил имел в виду какое-то конкретное место, помимо очевидного намека на Тиберия и его изгнание Августом на остров Родос, где будущий римский император изучал ораторское искусство, а также сексуальные извращения и немного колдовства. Кстати, любитель фиолетовых чернил не всегда называл Тиберия. Иногда у него встречается Теобальд, иногда Тибальт, а однажды и вовсе Трасилл, который был личным гадателем и колдуном Тиберия. Зато всегда упоминается этот «Родос 607». И один раз Теудебальдо, один раз – Дитбольд, и трижды Тибо, что и убеждает меня, помимо всего прочего, что Смит почти каждый день навещал де Кастри и писал о нем.

– Франц, – перебила его Кэл, – все это очень увлекательно, но мне репетировать. Исполнять партию клавесина на миниатюрном электронном пианино и без того непросто, а завтра вечером мне играть не что-нибудь, а Пятый Бранденбургский концерт.

– Ну конечно же... Прости, совсем забыл. Я настоящая сексистская свинья мужского пола, и нет мне прощения... – начал Франц, вставая со стула.

– Давай-ка не делай из этого трагедию, – бодро сказала Кэл. – Все было очень интересно, честное слово, но теперь мне надо работать. Забери свою чашку – и, ради бога, эти книги, а то я буду все время заглядывать в них, вместо того чтобы играть... И вообще ты не сексистская свинья: свинья не ограничилась бы только одним тостом.

– И... Франц, – позвала она, когда он уже хотел открыть дверь. Он повернулся, держа книги под мышкой. – Будь осторожен там, наверху, когда полезешь на Бивер и Буэна-Висту. Позови с собой Гуна или Сола. И помни... – Не договорив, она поцеловала два пальца и коротко махнула ими, серьезно посмотрев ему в глаза.

Он улыбнулся, дважды кивнул и вышел, чувствуя себя счастливым и взволнованным. Но, закрыв за собой дверь, все же решил, что отправится ли он на Корона-Хайтс или нет, а просить приятелей со следующего этажа составить ему компанию не станет: это был вопрос смелости, или по крайней мере независимости. Нет, сегодняшнее приключение будет только его собственным. К черту торпеды! Идем на таран! Полный вперед!

4

ХОЛЛ ЗА ДВЕРЬЮ Кэл был точно таким же, как и на этаже Франца: выкрашенное в черный цвет окно вентиляционной шахты, дверь без ручки в заброшенный чулан для щеток и ведер, тускло-золотистая дверь лифта и, над самым плинтусом, крышечка с защелкой отверстия пылесосной системы – пережиток тех дней, когда в подвале находился единый компрессор уборочной системы, а горничная держала в руках только длинный шланг и щетку. Но, не успев поравняться с первым из таких отверстий, Франц услышал впереди интимное, зазывное хихиканье и сразу вспомнил тот смех, который придумал для воображаемых служанок. Затем мужской голос негромко и быстро, определенно шутливым тоном, произнес несколько слов, которых Франц не смог разобрать. Сол? Похоже, голоса доносились сверху. Потом снова женский (или девичий) смех, теперь громче и резче, как будто от щекотки. И на лестнице послышались легкие шаги.

Добравшись до угла, он лишь мельком успел увидеть внизу, на другой стороне лестничной клетки, стройную фигуру, исчезающую за последним видимым углом: только намек на черные волосы и одежду, тонкие белые запястья и лодыжки – все в быстром движении. Он подошел к колодцу и посмотрел туда, изумившись тому, насколько уходящие вниз этажи были похожи на серию отражений, какие видишь, стоя между двумя зеркалами. Быстрые шаги раздавались все ниже по спирали, но бегущая, судя по всему, держалась вплотную к стене, будто ее прижимало туда центробежной силой, и Франц так больше и не увидел ее.

Пока он пялился сверху в эту длинную узкую трубу, тускло освещенную из верхнего светового люка, и продолжал думать о выглядывавших из черной одежды конечностях и смехе, в его сознании возникло смутное воспоминание, на несколько мгновений полностью овладевшее им. Оно, хоть и осталось неясным, все же сковало его той властью, какую имеет очень неприятный сон или сильное опьянение. Он стоял во весь рост в темном, до клаустрофобии узком и тесном, затхлом помещении. Сквозь ткань брюк он почувствовал, как на его гениталии легла маленькая рука, и услышал негромкий злобный смех. В воспоминании Франц опустил взгляд и увидел укороченный, призрачный овал маленького лица с неразличимыми чертами. Смех повторился, и в нем явно слышалась издевка. Почему-то померещилось, что вокруг извиваются черные щупальца. Франц ощутил тяжесть болезненного волнения, вины и чуть ли не страха.

Впрочем, зыбкое наваждение развеялось, как только он сообразил, что фигура на лестнице – Бонита Луке, в черной пижаме, халате и черных туфлях-мюлях, отороченных перьями, которые достались ей от матушки. Бонита уже выросла из них, но иногда все еще надевала, когда нужно было по утрам носиться по дому, выполняя утренние поручения матери. Он презрительно улыбнулся мысли, что чуть ли не жалеет (на самом-то деле, нет!), что больше не пьянствует и потерял способность пестовать в себе различные извращенные возбуждения.

Он двинулся было вверх по лестнице, но почти сразу остановился, услышав на следующем этаже голоса Гуна и Сола. Ему совершенно не хотелось видеть сейчас никого из них, прежде всего – чтобы не делиться своим утренним настроением и планами ни с кем, кроме Кэл, ну а когда он прислушался к четким словам, побуждения стали даже несколько сложнее.

– И что это было? – спросил Гун.

– Мать послала девочку пройтись по верхним этажам и спросить, не терял ли кто-нибудь из нас кассетный плеер. У Доротеи Луке сложилось впечатление, что клептоманка со второго этажа вдруг «обзавелась» магнитофончиком.

– Необычное слово для миссис Луке, – заметил Гун.

– Думаю, она употребила какое-нибудь простое слово, вроде «э-ворюга». Я сказал девочке, что мой на месте.

– Почему же Бонита не заглянула ко мне? – произнес Гун.

– Прежде всего потому, что я сказал ей, что у тебя его вовсе нет. А в чем дело? Обиделся, что тебя забыли?

– Нет!

Во время этого короткого разговора голос Гуна приобретал все больше ворчливых интонаций, а Сол говорил все холоднее, но в его тоне ощущалась насмешка. Францу доводилось изредка слышать сплетни о том, что в дружбе Гуна и Сола имеется еще и гомосексуальный подтекст, но лишь сейчас он впервые задумался, так ли это. Нет, сейчас ему определенно не хотелось попадаться им на глаза.

– И все же, что случилось? Гун, черт возьми, ты же знаешь, что мы с Бонни всегда возимся в шутку.

Теперь голос Гуна прозвучал почти так же язвительно.

– Сам знаю, что я североευропейский ханжа-пуританин, но хотелось бы знать, как далеко должно зайти отрицание англосаксонских запретов на телесный контакт.

– Ну, думаю, настолько, насколько оба сочтут для себя уместным. – Голос Сола прямо-таки сочился ядом.

Дверь демонстративно хлопнула. Тут же этот звук повторился. Наступила тишина. Франц облегченно перевел дух, тихонько побрел наверх, но стоило ему подняться на пятый этаж, как он оказался почти нос к носу с Гуном, который стоял перед закрытой дверью своей квартиры и испепелял взглядом уже закрытую дверь Сола. На полу рядом с ним стоял упакованный серой материей ящик по колено высотой, с блестящей хромированной ручкой сверху.

Гуннар Нордгрен, рослый, худощавый пепельный блондин, походил на облагороженного викинга. Он перевел взгляд на Франца и смотрел на него с тем же растущим смущением, которое испытывал сам Франц. Но тут на лицо Гуна вернулось обычное дружелюбие, и он сказал:

– Послушай, очень хорошо, что ты пришел. Пару дней назад ты спрашивал о том, как работает машинка для уничтожения документов. Я как раз притащил такую из офиса.

Одним движением он снял чехол, под которым оказался голубой с серебром параллелепипед. На верхней грани зияла широкая щель и краснела большая кнопка. Нижнюю часть занимала вместительная корзина; Франц, шагнув поближе, увидел, что она на четверть заполнена похожими на грязный снег бумажными многоугольничками не больше квадратного дюйма.

Ощущение неловкости развеялось. Франц поднял голову.

– Я знаю, что тебе надо работать и все такое, но не мог бы ты на минуточку дать мне послушать, как она работает?

– О чем речь? – Гун отворил дверь и пригласил Франца в опрятную скупо меблированную комнату. Вошедшему сразу же бросались в глаза цветные астрономические фотографии и лыжное снаряжение. Гун развернул электрический шнур и воткнул вилку в розетку, бодро объясняя на ходу:

– Это «Шредбаскет» от компании «Дестройзит»⁵. Правда, названия в самую точку, а? И стоит всего около пятисот долларов. Модели помощнее доходят до двух тысяч. Внутри установлены два комплекта ножей. Один, дисковый, режет бумагу на полоски; второй, поперечный, превращает эти полоски в мелкие кусочки. Хочешь верь, хочешь нет, но этот аппарат всего лишь усовершенствованная машинка для изготовления конфетти. И это мне нравится, ведь получается, что человечество прежде думает о развлечениях и лишь потом обращается к серьезным делам (если, конечно, можно назвать вот это серьезным). Сначала играй, виниться будешь потом.

Слова лились из него щедрым потоком с таким явным избытком возбуждения или облегчения, что Франц даже забыл, как успел удивиться. Зачем Гуну понадобилось тащить домой такую машину, что такого ему нужно крошить? Гун между тем продолжал:

⁵ Shredbasket – можно перевести как «шинковочная корзинка»; Destroysit – как «уничтожает это».

– Изобретательные итальянцы... Как там их назвал Шекспир? Хитроумнейшие венецианцы? Так вот, они лидируют в мире по части изобретения машин для еды и развлечений. Мороженицы, экструдеры для пасты, эспрессо-машины, наборы фейерверков, шарманки... И конфетти. Ну, готово.

Франц вынул маленький блокнот и шариковую ручку. Как только палец Гуна неторопливо двинулся к кнопке, Франц подался вперед и насторожился, готовясь услышать какой-нибудь громкий резкий звук.

Но раздалось лишь тихое, чуть хрипловатое жужжание, как будто Время откашлялось, прочищая горло.

Франц с восторгом записал именно эти слова.

Гун сунул в щель листок бумаги для рисования пастелью. На грязно-белый сугроб посыпался бледно-голубой снежок. Звук вроде бы стал чуть заметно гуще.

Франц поблагодарил Гуна, вышел, оставив его сворачивать провод, миновал свой этаж, затем седьмой и поднялся на крышу. Он был доволен. Как раз этот малюсенький факт и оказался той самой крошкой удачи, которой ему не хватало для того, чтобы считать день прекрасно начавшимся.

5

КУБИЧЕСКАЯ НАДСТРОЙКА, в которой находился мотор лифта, сошла бы за каморку колдуна на вершине башни: световой люк, густо затянутый пылью, электродвигатель, похожий на широкоплечего карлика в засаленных зеленых доспехах, старомодные реле в виде восьми черных чугунных рычагов, которые корчились во время работы, как лапы прикованного гигантского паука (роль челюстей паука играли большие медные рубильники, которые громко лязгали, открываясь и закрываясь всякий раз, когда внизу нажимали на кнопку).

Франц вышел на залитую солнечным светом плоскую крышу, окруженную невысоким барьером. Под ногами чуть слышно поскрипывал гравий, вплавившийся в битум. Лицо приятно обвеивал прохладный ветерок.

На востоке и севере громоздились, закрывая вид на залив, огромные здания центра города с какими-то тайными помещениями внутри. Какую гримасу скорчил бы старина Тибо при виде пирамиды Трансамерики и фиолетово-коричневого чудовища «Банка Америки»! Даже новых башен отелей «Хилтон» и «Святой Франциск». В голове всплыли слова: «Древние египтяне в своих пирамидах только хоронили людей. Мы в своих живем». Где же он это вычитал? Ну, в «Мегаполисомантии», конечно. Очень кстати! А имеются ли в современных пирамидах тайные знаки, предсказывающие будущее, и склепы для колдовства?

Он прошел мимо прямоугольных отверстий с низкими стенами узких воздуховодов, прикрытых серой жестью, к задней части крыши и посмотрел между ближайшими многоэтажками (скромными по сравнению с теми, что в центре) вверх, на телебашню и Корона-Хайтс. Туман рассеялся, но бледный, неправильной формы горб все еще резко выделялся в лучах утреннего солнца. Франц без особой надежды посмотрел в бинокль, но (ей-богу, да!) там оказался тот сумасшедший, одетый в грязные лохмотья молещик, или кто-то в этом роде, все еще продолжавший свой ритуал или чем это еще могло быть. Если бы только бинокль не прыгал в руках! Ну вот, парень подбежал к груде камней чуть ниже и, похоже, украдкой выглядывает из-за нее. Франц проследил предполагаемое направление взгляда вниз по склону и почти сразу наткнулся на вероятный объект любопытства чужаков: двоих туристов, бредущих вверх. Благодаря ярким шортам и рубашкам их было легче разглядеть. И, несмотря на пестроту одежд, они почему-то показались Францу все же более респектабельными, нежели тот, что притаился на вершине. Стало интересно, что произойдет, когда они встретятся наверху. Попытается ли иерофант в мантии обратить их в свою веру? Или торжественно повелит убираться? Или остановит их, как Старый Мореход из поэмы Кольриджа, и расскажет жуткую историю, завершающуюся назидающим? Франц перевел бинокль обратно, но парня (а может, это женщина?) больше не было видно. Застенчивый тип, видимо. Франц внимательно осмотрел скалы, пытаясь разглядеть, где тот прячется, и даже наблюдал за неторопливыми туристами, пока те не достигли вершины и не скрылись на другой стороне, надеясь, что они встретятся со странным чудачком, но ничего не произошло.

Как бы там ни было, убирая бинокль в карман, он все же принял окончательное решение. Он отправится на Корона-Хайтс. День слишком хорош для того, чтобы сидеть в четырех стенах.

– «Раз ты не хочешь идти ко мне, я сам приду к тебе», – вслух процитировал он отрывок из жутковатого рассказа о привидениях Монтегю Родса Джеймса, шутливо адресуя это предупреждение и холму, и его загадочному обитателю. Конечно, к Мухаммеду гора подошла сама, но ведь у того был джинн.

6

ЧЕРЕЗ ЧАС Франц поднимался по Бивер-стрит, размеренно дыша, чтобы не запыхаться раньше времени. Он добавил в «Странное подполье. Выпуск 7» абзац, в котором Время откашлялось, прочищая горло, запечатал рукопись в конверт и отправил по почте. Когда он вышел из дома, бинокль висел у него на шее на ремешке, как у какого-нибудь героя приключенческого рассказа, так что Доротея Луке, коротавшая время в вестибюле в обществе пары пожилых жильцов, ожидавших почтальона, весело заметила: «Ты искать э-страшное, чтобы писать э-книжки, да?» – а он ответил на языке, который, как он надеялся, сошел бы за столь же ломаный испанский: «*Si, Señora Luque. Espectros y fantasmas*»⁶. Но очень скоро, сойдя с трамвайчика «муни» на Маркет-стрит, всего в квартале от того места, где находился сейчас, он снова сунул бинокль в карман вместе с путеводителем, который взял с собой. Район казался довольно милым и всегда считался вполне безопасным, и все же не стоило даже здесь хвастаться своим богатством, а Франц рассудил, что бинокль будет поценнее фотоаппарата. Жаль, что большие города стали – или считается, что стали, – такими опасными местами. Совсем недавно он чуть не упрекнул Кэл за неуместную тревогу из-за грабителей и психов, а сам-то... И все равно он радовался, что пошел один. Настоящее знакомство с местами, которые он перед этим изучал из окна, было, конечно, естественным новым этапом его путешествия в реальность, но очень личным.

Вообще-то, сегодня утром на улицах было относительно мало народу. Бывало, он по несколько минут не видел вообще никого. И, конечно же, он не мог не обыграть наскоро мысль о большом современном городе, который внезапно полностью опустел, словно «Мария Селеста», или о роскошном курортном отеле наподобие того, в котором происходило действие гениального фильма «В прошлом году в Мариенбаде».

Он миновал жилище Джейми Дональдуса Байерса (он был именно Дональдус, а не простецкий Дональд!), деревянный домик в готическом стиле с узким фасадом, выкрашенным ныне в оливковый цвет с золотой отделкой – типичное старо-сан-францисское здание. Наверное, надо будет на обратном пути заглянуть и договориться об обстоятельной встрече.

Отсюда Франц вовсе не видел Корона-Хайтс. Ее закрывали близлежащие строения, и телебашню тоже. Хорошо заметный издали (а Франц прекрасно видел иззубренный гребень с перекрестка Маркет-стрит и Дюбос-авеню), сейчас холм спрятался, словно палевый тигр, почуявший его приближение. Так что ему пришлось вытащить путеводитель и убедиться по карте, что он не сбился с дороги.

После того, как он пересек Кастро-стрит, подъем сделался таким крутым, что пришлось дважды останавливаться и переводить дыхание.

В конце концов дорога его привела в короткий тупиковый переулок, проходивший за каким-то новым многоквартирным домом. На другом конце был припаркован седан, на передних сиденьях находились два человека, и тут же он понял, что видит не головы, а подголовники... Которые очень походили на маленькие темные надгробия!

По другую сторону переулка домов уже не было, а начинались зеленые и коричневые террасы, которые поднимались к изломанному хребту, четко вырисовывавшемуся на фоне голубого неба. Франц понял, что наконец-то добрался до Корона-Хайтс со стороны, примерно противоположной его дому.

Неторопливо выкурив сигарету, он без спешки побрел мимо теннисных кортов и лужаек, поднялся по огороженной извилистой дорожке, тянувшейся вверх поперек склона холма, и вышел на еще одну тупиковую улицу, или, скорее, дорогу. На свежем воздухе он чувство-

⁶ «Да, сеньора Луке. Духи и призраки» (исп.).

вал себя просто великолепно. Оглянувшись назад, он увидел телебашню (которая выглядела огромной и была красивее, чем когда-либо) менее чем в миле от себя, но размер этот почему-то не казался чрезмерным. Буквально в следующий миг Франц понял: дело в том, что теперь башня была точно такой, какой представляла через бинокль из его комнаты.

По пути к тупику он миновал длинное одноэтажное кирпичное здание, как будто собранное из кусков разных домиков, скромно именовавшееся «Музеем для юношества Жозефины Рэндалл». На просторной площадке перед домом стоял грузовик с корявой надписью «Уличный астроном». Франц вспомнил рассказ Бониты, дочери Доротеи Луке, о том, что в этот музей дети могут приносить домашних ручных белок, змей и пятнистых японских крыс (что, и летучих мышей тоже?), если по какой-то причине не могут больше держать их дома, и сообразил, что видел его низкую крышу из окна.

Из тупика короткая тропинка вела к подножию незастроенной части холма, а с другой стороны открывался вид на южную половину Сан-Франциско, лежащий за нею залив и оба моста, перекинутые через него.

Решительно не поддаваясь желанию рассмотреть все в подробностях, он принялся взбираться на гребень по утоптанной тропке, усыпанной щебенкой. Вскоре дорога сделалась довольно утомительной. Камешки скользили под ногами, ступать приходилось осторожно, и он не раз останавливался, чтобы перевести дух.

Уже почти добравшись до того места, где увидел в бинокль туристов, Франц вдруг поймал себя на какой-то детской настороженности. Он уже почти жалел, что не взял с собой Гуна и Сола, или, хотя бы, что на пути не попадаются другие гуляющие с претензией на солидность и респектабельность, невзирая даже на возможную пестроту, с какой они будут одеты, и развязное шумное поведение (в данный момент он даже не возражал бы против блеяния транзисторного приемника). Теперь он останавливался не столько для того, чтобы отдышаться, сколько для того, чтобы очень внимательно осмотреть каждую каменную глыбу, прежде чем обойти ее, ведь кто знает, какое лицо или вовсе не лицо он может увидеть, если слишком доверчиво сунется за какую-нибудь из них?

И впрямь, настоящее детство, укорил он себя. Ведь сам же рвался встретиться с тем типом, что был на вершине, и узнать, что это за чудик. Судя по простой одежде, робости и любви к уединению, небось какая-нибудь нежная душа. Хотя, скорее всего, он уже ушел.

Как бы там ни было, Франц продолжал обшаривать взглядом все вокруг, пока поднимался по уже не столь крутому склону к самой вершине.

Выход горных пород, венчавший гребень (пресловутая корона?), был обширнее и выше остальных. Помедлив немного (чтобы решить, как лучше забраться туда, сказал он себе), Франц поднялся по трем уступам, на каждый из которых пришлось подтягиваться на руках, до самого верха, где наконец встал во весь рост, хотя и довольно осторожно, широко расставив ноги, потому что здесь дул сильный ветер с Тихого океана, – и вот она, вся громада Корона-Хайтс, под ним.

Франц медленно повернулся кругом, обведя взглядом горизонт. При этом он пристально всматривался во все складки каменных нагромождений и лежавшие прямо под ним зеленые и светло-коричневые склоны, стараясь охватить новые для себя виды и попутно удостовериться, что нигде на Корона-Хайтс нет ни единой живой души, кроме него самого.

Затем он спустился на пару уступов и удобно устроился на естественном каменном сиденье, совершенно защищенном от ветра, лицом на восток. В этом гнезде он чувствовал себя очень непринужденно и на удивление безопасно, чему способствовало ощущение мощи телебашни, которая возвышалась за его спиной, словно могучая богиня-покровительница. Неторопливо попыхивая очередной сигаретой, он окинул невооруженным взглядом просторы города и залива, где огромные пароходы выглядели мельче игрушек, от слегка зеленоватой прозрачной подушки смога над Сан-Хосе на юге до тусклой маленькой пирамидки горы Маунт-

Дьябло далеко на востоке, за Беркли, и до красных башен моста Золотые Ворота на севере с горой Тамалпаис за ними. Занятно, что ориентиры с этой новой точки обзора изменились. По сравнению с тем видом, что открывался с крыши, некоторые здания в центре города взлетели вверх, в то время как другие, казалось, пытались спрятаться за своими соседями.

Выкурив еще сигарету, он достал бинокль, повесил его ремешок на шею и стал изучать разные места на выбор. Теперь они уже почти не плясали у него перед глазами, как утром. Франц, посмеиваясь, прочитал вслух тексты на нескольких больших рекламных щитах, торчавших южнее Маркет-стрит, на набережной Эмбаркадеро; в основном рекламировали сигареты, пиво и водку (о, этот незабываемый мотив «Черный бархат»!⁷), а с пары самых больших плакатов красотки топлес зазывали куда-то туристов.

Осмотрев стальные, блестящие внутренние воды и мост через залив до самого Окленда, он принялся скрупулезно изучать здания в центре города и вскоре, к своему смущению, обнаружил, что отсюда довольно трудно определить, что есть что. Расстояние и перспектива слегка изменили расположение и оттенки раскраски. Кроме того, современные небоскребы были совершенно безликими: ни вывесок, ни названий, ни статуй, ни шпилей, ни флюгеров, ни крестов, ни характерных фасадов и карнизов – вообще никаких архитектурных украшений; одни лишь огромные глухие плиты из безликого камня, или бетона, или стекла, блестящие на солнечном свете и темные в тени. Они и впрямь могли быть «гигантскими усыпальницами или чудовищными вертикальными гробами живого человечества, питательной средой для самых зловредных параментальных существ, о которых столько талдычил в своей книге старый де Кастри. Франц в очередной раз принял к биноклю, вроде бы опознал пару подрагивавших перед глазами небоскребов и, наконец, опустил бинокль, оставив его висеть на ремешке; достал из другого кармана предусмотрительно взятый из дому сэндвич с мясом. Разворачивая и медленно поедая свой припас, он думал о том, какой же он, на самом деле, счастливчик. Год назад он был сущей развалиной, а сейчас... Вдруг он услышал *шорох* щебенки, потом еще один. Огляделся, но ничего не увидел. Было совершенно непонятно, откуда доносились эти слабые звуки. Во рту сразу пересохло.

Франц с трудом сделал глоток, откусил еще и поспешил вернуться к прежним мыслям. Да, теперь у него есть друзья (например, Гун и Сол) и Кэл... Здоровье восстановилось, и, что самое главное, работа идет хорошо, есть же его замечательные повести (по крайней мере, он так считает), и даже это барахло в «Странном подполье»...

Камни снова *зашуришали*, на этот раз громче, и послышался странный, какой-то очень писклявый и короткий смешок. Франц встрепнулся и поспешно посмотрел по сторонам, сразу забыв и о еде, и о своих мыслях.

Смех повторился, за ним последовал резкий вскрик, и из-за камней прямо перед Францем выскочили по идущей снизу тропинке две маленькие девочки в темно-синих коротких костюмчиках, похожих на пижамы. Одна из них дернула вторую за руку, они радостно взвизгнули и дружно закружились, мелькая загорелыми руками и ногами и белокурыми волосами.

Франц едва успел подумать о том, что это явление полностью опровергает опасения Кэла (и его собственные) по поводу Корона-Хайтс, а также о том, что родителям в любом случае не следовало бы отпускать таких маленьких симпатичных девчушек (им было не больше семи-восьми лет) одних играть в таком безлюдном месте, как вдруг из-за скал выскочил лохматый сенбернар, которого девочки тут же втянули в свою игру. Впрочем, они почти сразу же побежали вниз по тропинке, по которой сюда забрался Франц, а их мохнатый защитник поспешил следом. Они либо совсем не видели Франца, либо, по обыкновению многих детей, сделали вид,

⁷ «Черный бархат» (*Black Velvet*) – песня из репертуара Алланы Майлз, в которой обыгрывается название сорта канадского виски или одноименного коктейля из шампанского и темного пива.

что не замечают его. Он улыбнулся: этот случай явно продемонстрировал, что нервы у него все еще не совсем в порядке. Сэндвич больше не казался черствым.

Воценую бумагу он скомкал и сунул в карман. Солнце уже переползло к западу и освещало торчавшие вдали высокие стены. Поход занял больше времени, чем он рассчитывал, да и просидел он здесь дольше запланированного. Что говорилось в эпитафии, которую Дороти Сэйерс увидела на старом надгробном камне и сочла апофеозом любой тоски? О да: «Уже позже, чем ты думаешь». Незадолго до Второй мировой войны на эту тему сочинили популярную песню: «Радуйся, радуйся жизни, уже позже, чем ты думаешь». Кто-то воспринимал эти слова как язвительную иронию. Ну а у него было полно времени.

Он снова взялся за бинокль, обратившись, на сей раз, к отелю «Марк Хопкинс», под зеленовато-коричневым, в средневековом стиле, куполом которого располагался бар-ресторан «Наверху у Марка». Собор Благодати на вершине Ноб-Хилл заслоняли высокие здания, зато был хорошо виден модернистский цилиндр собора Святой Марии, возвышавшегося на другом холме, который недавно получил название Соборного. Только тут ему в голову пришла очевидная вроде бы мысль: нужно найти собственный семиэтажный дом. Он видел Корона-Хайтс из своего окна. Следовательно, с вершины холма он сможет это окно разглядеть. Искать его нужно в узкой щели между двумя высотными зданиями, напомнил он себе, и солнце уже должно бить в эту щель, так что освещения хватит.

Как ни странно, дело оказалось очень сложным. Отсюда, с высоты, крыши невысоких домов сливались, практически в буквальном смысле, в море, где нет ни примет, ни перспективы, так что было очень трудно проследить полосы улиц – как на шахматной доске, если смотришь на нее с угла. Это занятие так захватило его, что он напрочь забыл обо всем вокруг. Если б девочки сейчас вернулись и уставились на него, он бы просто не заметил их. Тем не менее, эта дурацкая проблемка оказалась настолько трудной, что он несколько раз был близок к тому, чтобы сдаться.

В самом деле, городские крыши представляли собой целый темный чуждый мир, о котором не подозревали мириады обитающих внизу, мир, без сомнения, со своими жителями, собственными призраками и «параментальными сущностями».

Но он принял вызов и с помощью пары знакомых водонапорных баков, которые, как он знал, стояли на крышах рядом с его домом, и вывески «ОТЕЛЬ БЕДФОРД», намалеванной большими черными буквами высоко на боковой стене соседнего здания, наконец опознал и свое обиталище.

Он целиком и полностью справился со своей задачей.

Да (Бог свидетель!), щель оказалась на месте, и в ней обнаружилось его собственное окно – второе сверху, совсем крохотное, но отчетливо различимое благодаря удачно падающему солнечному свету. И разглядел Франц его как раз вовремя – по стене надвигалась тень, которая вот-вот должна была его закрыть.

В следующий миг руки Франца затряслись, да так, что он выронил бинокль. Хорошо, что ремешок был накинута на шею, иначе линзы разбились бы о камень.

Бледно-коричневый абрис человеческой фигуры высунулся из *его* окна и помахал, причем *ему*.

У Франца в голове почему-то всплыло несколько строчек из бессмысленной народной песенки, начинающейся словами:

Таффи был валлиец,
Таффи вором был,
Он пришел ко мне домой
И мясо утащил.

Но вспомнилось не начало, а последний куплет:

Я поперся к Таффи
И дома не нашел —
А он ко мне домой пришел
И утащил мосол.

«Ну-ка, бога ради, не горячись! – приказал он себе и, схватив болтающийся на ремешке бинокль, снова поднял его к глазам. – И не пыхти так: ты не бегал».

Ему опять потребовалось некоторое время, чтобы отыскать щель и свой дом (будь оно неладно, это темное море крыш!), но когда удалось, в его окне снова появилась фигура. Бледно-коричневая, как старые кости. «Вот теперь не свихнуться бы! Это ведь могут быть шторы!» – сказал он себе. Просто их ветерком вытащило из окна, которое он, уходя, не закрыл. Среди высоких зданий ветер сплошь и рядом вел себя самым причудливым образом. Пусть дома у него висели зеленые занавески, но их подкладка была как раз такого невзрачного оттенка. И фигура теперь не махала ему рукой (это была всего лишь шутка пляшущего в руках бинокля), а скорее задумчиво смотрела на него, как бы говоря: «Вы решили посетить мой дом, мистер Вестен, поэтому я решил воспользоваться этой возможностью, чтобы спокойно посмотреть на ваш». «Брось! – одернул он себя. – Писательское воображение сейчас нужно нам меньше всего».

Он опустил бинокль, чтобы дать сердцебиению успокоиться, и пошевелил затекшими пальцами. Внезапно его охватил гнев. В своих фантазиях он упустил из виду тот простой факт, что кто-то мог ошиваться в его комнате. Но кто? У Доротеи Луке, конечно, был универсальный ключ, но она никогда не проявляла неуместного любопытства, как и ее брат Фернандо, мрачноватый парень, который занимался уборкой и тому подобным, почти не говорил по-английски, но замечательно играл в шахматы. Неделью назад Франц отдал Гуну дубликат своего ключа – нужно было уйти из дома, а в это время могли доставить посылку, – и так и не забрал его назад. Это означало, что сейчас в его квартире мог быть либо Гун, либо Сол. Или, если уж на то пошло, это могла быть Кэл: она иногда ходила по дому в большом старом выцветшем купальном халате...

И все же – нет, подозревать кого-то из них просто смешно. Но как насчет слов Сола, которые он подслушал на лестнице? Доротея Луке беспокоилась из-за «э-воришки». Это имело больше смысла. «Смирись, – сказал он себе. – Пока ты слонялся здесь, удовлетворяя смутное эстетическое любопытство, какой-то подлый вор, вероятно, под действием сильнодействующих наркотиков, пробрался в твою квартиру и обчищает ее».

Уже чуть ли не в ярости он снова вскинул бинокль и сразу нашел нужное место, но, увы, опоздал. Пока он успокаивал нервы и строил дикие догадки, солнце продвинулось по небу, щель заполнилась тенью, так что теперь он не мог разглядеть ни своего окна, ни фигуры за ним.

Его гнев угас. Он понял, что злость была в основном реакцией на легкий шок, вызванный тем, что он видел или думал, что видел... Нет, он точно что-то видел, но кто знает, что именно?

Франц встал на своем каменном сиденье (двигался он довольно медленно, потому что отсидел ноги и спину заколодило от долгой неподвижности) и снова осторожно вышел на ветреную вершину. Ему стало тоскливо – и неудивительно, ибо на западе, из-за телебашни, и уже частично закрывая ее, распростерлись полосы тумана; повсюду протянулись тени. Корона-Хайтс утратил волшебство, окутывавшее холм совсем недавно. Франц просто хотел уйти отсюда как можно скорее и вернуться домой, чтобы проверить свою комнату. Поэтому, быстро взглянув на карту, он направился прямо вниз по дальней стороне холма, как утренние туристы. Он и впрямь сильно задержался.

7

ПРОТИВОПОЛОЖНАЯ СТОРОНА холма, обращенная к парку Буэна-Виста, оказалась круче, чем выглядела сверху. Францу несколько раз пришлось сдерживать порыв прибавить шагу и, напротив, заставлять себя идти осторожнее. Уже на середине склона вокруг него закружились, рыча, две большие собаки; не сенбернары, а черные доберманы, при виде которых на память сразу приходит СС. Ну а хозяин, отставший от своих псов внизу, не очень-то спешил отозвать их. Франц чуть ли не бегом пересек зеленую лужайку у подножия холма и выскочил в калитку, сделанную в высоком сетчатом заборе.

Он подумал было позвонить миссис Луке (или даже Кэл) и попросить взглянуть, что делается у него в квартире, но решил не делать этого, чтобы не подвергать их возможной опасности (и не раздражать Кэл, которая наверняка все еще старательно репетирует); что касается Гуна или Сола, все равно их сейчас нет дома.

Кроме того, он так и не пришел к заключению, кого же ему подозревать, да и в любом случае лучше было бы во всем этом разобраться самостоятельно.

Вскоре (но, по его мнению, недостаточно скоро) он уже поспешно шагнул по Буэна-Виста-драйв-ист. Совсем рядом возвышался парк, который вплотную огибала дорога, – еще один холм, но, в отличие от соседнего, покрытый лесом, темно-зеленый и полный теней. В нынешнем настроении Франц воспринимал это место как угодно, только не «хорошим видом»⁸; скорее, оно представлялось идеальным местом для делишек подлых убийц и распространителей героина. Солнце уже совсем скрылось, и вдоль дороги за ним тянулись обтрепанные рукава тумана. Он рассчитывал прибавить шагу, выйдя на Дюбус-авеню, но и там тротуары были слишком крутыми (такими же крутыми, как и на любом из гораздо более чем семи холмов Сан-Франциско), и ему снова пришлось стиснуть зубы, внимательно смотреть под ноги и не торопиться. Район казался не менее безопасным, чем и Бивер-стрит, но из-за резкого похолодания на улице было мало людей, и он опять убрал бинокль в карман.

Там, где туннель выходит из-под парка Буэна-Виста («Холмы Фриско вдоль и поперек изрыты туннелями», – подумал Франц), он сел на трамвай маршрута «Н-Джудак» и поехал по Маркет-стрит в сторону муниципального центра. На 19-Полк-стрит в трамвай ломанулась целая толпа народу. Рядом с Францем оказался какой-то неуклюжий покачивающийся бледный тип, который, похоже, был всего лишь пустоглазым работягой-строителем, недавно ломавшим какое-то здание и даже не отряхнувшим с одежды густую пыль.

Франц сошел на Гири-стрит. В вестибюле дома 811 ему встретился один лишь Фернандо, трудившийся с пылесосом, унылый вой которого как нельзя лучше подходил под унылую серость, сгушавшуюся на улице. Он остановился бы поболтать, но этот коренастый и угрюмый, словно перуанский идол, коротышка говорил по-английски намного хуже, чем его сестра, да к тому же был почти глухим. Они чопорно раскланялись, обменявшись подобающими репликами:

– Сеньор Луке...

– Миста Хестон. – Фернандо лишь так удавалось произносить его фамилию Вестен.

Скрипучий лифт поднял его на шестой этаж. У него мелькнула мысль зайти сначала к Кэл или к парням, но он решил, что не делать этого будет делом принципа (или храбрости). В холле было темно (небо уже густо затянуло облаками, и сквозь стеклянную крышу почти не поступало света), и окно вентиляционной шахты и дверь стенного шкафа без ручки рядом с его дверью казались совсем черными пятнами. Подойдя вплотную к двери, он ощутил, как отчаянно колотится сердце. Испытывая явный страх и понимая одновременно, что это глу-

⁸ Buena Vista – хороший вид (исп.).

пость, Франц сунул ключ в замок, стиснув левой рукой бинокль как импровизированное оружие, резко распахнул дверь и быстрым движением щелкнул выключателем.

Освещенная двухсотваттной лампой комната была пуста, и все в ней находилось на прежних местах. Пестрая Любовница Ученого, лежавшая на своем месте у стены, как будто шутиливо подмигнула ему. И все же он не чувствовал себя в безопасности, пока, стесняясь самого себя, не заглянул в ванную, кладовку и даже в высоченный платяной шкаф.

Затем он выключил верхний свет и подошел к открытому окну. Подкладка зеленых штор действительно выгорела на солнце, но если их и выносило днем наружу, то позднее переменившийся ветер аккуратно вернул на место. зубчатый горб Корона-Хайтс смутно различался сквозь поднимавшийся все выше туман. Телебашню уже совсем заволокло. Франц опустил глаза и увидел, что подоконник, узкий письменный стол перед окном и ковер под ногами были усеяны клочками коричневатой бумаги, живо напоминавшими о шредере, который утром показывал ему Гун. Он припомнил, что накануне пролистывал старые журналы и вырывал из них страницы, которые хотел сохранить. А вот выбросил ли он обрывки тогда же? Не помнит, но, вероятно, да; во всяком случае, разодранные журналы нигде не валяются, в комнате лишь аккуратная стопка еще не просмотренных. Что ж, вор, укравший всего лишь кучку старой макулатуры, вряд ли мог представлять собой серьезную опасность. Его, скорее, следует считать старьевщиком, таким услужливым стервятником.

Напряжение, владевшее им несколько последних часов, наконец-то отпустило. Франц осознал, что его замучила жажда. Достав из холодильника начатую бутылку имбирного эля, он опустошил ее в несколько глотков. Потом сварил себе кофе на плите, мимоходом поправил свободную половину постели и включил стоявшую в изголовье настольную лампу с абажуром. Взяв кофе, книжку и тетрадку, которые показывал Кэл, он устроился поудобнее и принялся читать да размышлять.

Заметив, что за окном начало темнеть, налил еще одну чашку кофе и отправился с ней к Кэл. Дверь у нее оказалась нараспашку. Кэл сидела спиной ко входу, плечи у нее ритмично поднимались и опускались в такт яростным, но точным метаниям рук по клавиатуре; уши были закрыты большими наушниками с мягкой оторочкой. Франц что-то слышал, но не мог понять, были ли это отзвуки музыки или почти неуловимое пощелкивание электронных клавиш.

Сол и Гун шепотом переговаривались, сидя на диване. Рядом с Гуном стояла зеленая бутылка. Припомнив подслушанную утром перепалку, Франц попытался разглядеть признаки напряженности, но приятели вроде бы пребывали в согласии. Возможно, утром он услышал в их словах то, чего там вовсе и не было.

Сол Розенцвейг – тощий, с темными волосами до плеч и заметными синяками под глазами – коротко ухмыльнулся ему.

– Привет. Кальвина попросила составить ей компанию, пока она репетирует, однако, сдастся мне, вместо нас вполне сгодилась бы пара манекенов. Но Кальвина в глубине души романтическая пуританка. Ей, может быть, и неосознанно, хотелось ввергнуть нас в бездну разочарования.

Кэл сняла наушники и встала. Не говоря ни слова, не взглянув на присутствующих и даже не дав понять, что замечает их, она взяла какую-то одежду и скрылась в ванной, где почти сразу же зашумел душ.

Гун улыбнулся Францу.

– Привет. Садись и присоединяйся к посвященным тишины. Как идет писательская жизнь?

Некоторое время они болтали о всяких пустяках. Сол тщательно сворачивал длинную тонкую самокрутку. От нее потянул приятный смолистый дым, но и Франц и Гун, улыбнувшись, отказались присоединиться. Гун взял свою зеленую бутылку и приложился к ней длинным глотком.

Кэл появилась неожиданно скоро. На ней было темно-коричневое платье, и выглядела она совсем свежо. Налив себе в высокий тонкий стакан апельсинового соку из холодильника, она тоже села.

– Сол, – негромко сказала она, – ты отлично знаешь, что мое полное имя не Кальвина, а Кальпурния. Она была у римлян кем-то вроде Кассандры, только не так знаменита; предупреждала Цезаря об опасности, угрожавшей ему в Мартовские иды. Может быть, я и пуританка, но называли меня не в честь Кальвина. Мои родители действительно были пресвитерианцами, оба, но отец довольно скоро перешел в унитарянство, а умер и вовсе последователем этической культуры. Он молился Эмерсону и клялся именем Роберта Ингерсолла. Ну а мать, вроде как шутки ради, объявила себя бахаисткой. К тому же у меня нет пары манекенов, не то я действительно могла бы поставить их здесь. Нет, спасибо, никакой «травы». До завтрашнего вечера я должна хранить мозги в полной ясности. Гун, спасибо, что повеселил меня. Присутствие слушателей очень помогает, даже если я в это время напрочь некоммуникабельна. Эль пахнет чудесно, но, увы, придется отказаться – по той же причине, что и от травки. Франц, ты какой-то сам не свой. Что-то случилось на Корона-Хайтс?

Обрадованный тем, что она не только думала о нем, но и сразу же обратила внимание на его состояние, Франц выложил историю своего похода. Его задело при этом, что в рассказе все приключение выглядело довольно-таки тривиальным и совсем не страшным, а, как ни парадоксально, даже забавным – поистине, двуединое проклятие и благословение писателя.

– Получилось, что ты пошел разглядывать это привидение, или что там еще, и обнаружил, что оно перекинуло рубильник и показывает тебе нос из твоего собственного окна в двух милях от того места, где ты находился. «Таффи пришел ко мне домой...» Ну, прелесть же, правда? – радостно подытожил Гун.

– Твоя история о Таффи напомнила мне случай с моим мистером Эдвардсом, – подхватил Сол. – Ему втемяшилось в голову, что напротив больницы сидят в автомобиле двое, его враги, и посылают на него лучи из генератора боли. Я посадил его в машину, и мы объехали все окрестности, чтобы он убедился, что их там нет. Ему сразу полегчало, он стал благодарить, но стоило ему вернуться в палату, как он завопил от боли. Конечно же, он решил, что, пока его не было, враги пробрались в больницу и вмонтировали генератор в стену.

– Ах, Сол, – сказала Кэл не без язвительности, – мы все же не твои пациенты – по крайней мере, пока. Франц, а не могут ли быть тут замешаны эти две невинные на вид маленькие девочки? Ты сказал, что они бегали и танцевали, как твой бледно-коричневый тип. Я уверена, что психической энергии, если она вообще существует, у маленьких девочек очень много.

– Я бы сказал, что у тебя хорошее творческое воображение. Мне такое даже в голову не пришло, – ответил Франц, остро сознавая, что начинается профанация всего приключения и он не в состоянии ничего с этим поделать. – Сол, возможно, я как-то связал эти две вещи, по крайней мере частично, но если и да, что в этом такого? Кроме того, фигура практически не поддавалась описанию, ты же помнишь, и не делала ничего объективно зловещего.

– Послушайте, – снова заговорил Сол, – я, вообще-то, никаких параллелей не проводил. Это вы с Кэл так решили. А мне просто вспомнился еще один странный случай.

Гун громко хохотнул:

– Сол вовсе не считает, что мы сумасшедшие. Так, тронутые слегка.

В дверь постучали. Ее открыли, не дожидаясь ответа, и в комнату вошла Доротея Луке. Первым делом она принялась и посмотрела на Сола. Она очень походила на брата, хоть и была значительно стройнее, – тот же чеканный инкский профиль, те же иссиня-черные волосы. В руке у нее была бандероль с книгами для Франца.

– Я подумать, что вы быть здесь внизу, а потом услышать ваш голос, – объяснила она. – Вы нашли э-страшные вещи, о которых можно написать эти... Как вы говорить?.. – Она сло-

жила руки биноклем, поднесла их к глазам и с вопросительным видом огляделась, когда все засмеялись.

Кэл налила ей вина в стакан, а Франц поспешил вкратце объяснить, что случилось. К его удивлению, Доротея отнеслась к рассказу о фигуре в окне очень серьезно.

– Но вы уверены, что вас не э-почистить? – встревоженно осведомилась она. – Я думаю, что у нас на втором этаже жить э-воришка.

– Портативный телевизор и магнитофон на месте, – ответил Франц. – Вор обязательно унес бы их.

– А мосол ты проверил? – ввернул Сол. – Таффи не спер его?

– А фрамугу вы закрыть и запереть дверь на два оборота? – продолжала допытываться Доротея, для большей ясности выразительно покрутив рукой со сложенными щепотью пальцами. – Сейчас она закрыт на два оборота?

– Я всегда закрываю на два оборота, – заверил ее Франц. – Вообще-то, я долго думал, что только в детективных книжках воры отжимают язычок замка пластиковой карточкой, но однажды обнаружил, что на моей двери это можно сделать даже фотографией. А вот фрамугу не закрывал. Я всегда держу ее открытой, чтобы квартира проветривалась.

– И фрамугу тоже всегда закрывать, когда уходить, – наставительно произнесла Доротея. – Вы все закрывать, слышать? Вы лучше верить, что худой мочь пролезть во фрамугу. Ну, я рада, что вас не почистить. *Gracias*⁹, – добавила она, кивнув Кэл, и отхлебнула вина.

Кэл улыбнулась и повернулась к Солу и Гуну:

– Почему бы в современном городе не быть своим собственным привидениям, как некогда в замках, на кладбищах и в особняках аристократов?

– У меня есть такая миссис Уиллис, – снова включился в разговор Сол. – Так она считает, что против нее замышляют недоброе небоскребы. По ночам, дескать, они еще сильнее тощат и ползают по улицам, пытаясь разыскать ее.

– Я однажды слышал, как молния свистела над городом, – сказал Гун. – Дело было в Чикаго, чуть ли не в Лупе¹⁰, а я в это время находился в университете, в Саут-Сайде, совсем рядом с тем местом, где был первый атомный котел. На севере полыхнуло, а потом, через семь секунд, раздался вовсе не гром, а тоненький не то визг, не то стон. Мне тогда пришло в голову, что все эстакадные дороги вошли в звуковой резонанс с радиокомпонентом этой молнии.

– С какой стати такая масса железа будет?... – с неожиданной горячностью заявила Кэл, но, не закончив вопрос, обратилась к Францу: – Расскажи им об этой книге.

Он повторил то, что утром рассказал ей о «Мегаполисомантии», не упустив и части сопутствующей информации.

Гун тут же вмешался:

– И он, значит, утверждает, что наши современные города – это все равно что египетские пирамиды? Красиво сказано. Вы только представьте себе, что, когда мы все вымрем от загрязнения (ядерного, химического, под завалами неразлагающегося пластика), захлебнемся красными волнами умерших микроорганизмов (этой омерзительной кульминацией нашей климатической культуры), на космическом корабле из другой солнечной системы прилетит археологическая экспедиция и начнет исследовать нас, как наши чертовы египтологи исследуют пирамиды! Они запустят самодвижущиеся роботы-зонды, которые станут обшаривать наши совершенно пустые города, а те все еще будут слишком радиоактивны для всего живого, столь же мертвы и смертоносны, как наши отравленные моря. Что они смогут сказать о Всемирном торговом центре в Нью-Йорке и Эмпайр-стейт-билдинг? Или Сирс-билдинг в Чикаго? Или даже о местной пирамиде Трансамерика? Или о корпусе для сборки космических кораб-

⁹ Спасибо (исп.).

¹⁰ Чикаго-Луп – деловой центр Чикаго.

лей в Канаверале, который настолько велик, что внутри можно летать на легких самолетах? Вероятно, они решат, что все это построено для религиозных и оккультных целей, как Стоунхендж. Им даже в голову не придет, что там жили и работали люди. Несомненно, наши города превратятся в самые жуткие руины, какие только могут быть. Знаешь, Франц, этот де Кастри был прав – города чересчур захламлены. Это тяжело, тяжело...

– Миссис Уиллис говорит, – снова вмешался Сол, – что небоскребы делаются очень тяжелыми, когда они, прошу прощения, трахают ее по ночам.

Глаза Доротеи Луке широко раскрылись, а потом она неудержимо захихикала и проговорила, погрозив пальцем:

– Это же просто неприлично.

Сол вперил взгляд в пространство и с видом безумного поэта продолжил:

– Вы только представьте себе, как эти громадные тощие фигуры пробираются бочком по улицам, вздыбив каменные фаллосы-контрфорсы.

Миссис Луке снова рассмеялась. Гун подлил ей вина, а себе открыл вторую бутылку эля.

8

– ФРАНЦ, – сказала Кэл, – я весь день, уголком разума, не занятым Бранденбургским концертом, нет-нет да и подумаю о «Родосе шестьсот семь», из-за которого ты поселился тут. Это какое-то определенное место? И если да, то где оно находится?

– Родос шестьсот семь? Это еще что такое? – заинтересовался Сол.

Францу пришлось рассказать о дневнике в тетради рисовой бумаги, о любителе фиолетовых чернил, превратившихся от времени в бледно-лиловые, о человеке, который мог быть Кларком Эштоном Смитом, и о его возможных беседах с де Кастри. В завершение он сказал:

– Шестьсот семь не может быть номером дома, как, скажем, «Гири восемьсот одиннадцать»: во Фриско нет улицы с названиями Родос или Родс, я проверил. Самая похожая по написанию улица – Род-Айленд, но она далеко в Потреро, а из записей прямо следует, что дом шестьсот семь находился здесь, в центре города, в нескольких минутах ходьбы от Юнионсквер. И составитель дневника как-то упомянул, что смотрит в окно на Корона-Хайтс и гору Сатро (конечно, никакой телебашни тогда не было)...

– Черт возьми, в тысяча девятьсот двадцать восьмом году не было ни Оклендского моста, ни Золотых Ворот, – вставил Гун.

– ...и на Твин-Пикс, – продолжал Франц. – А в другом месте написал, что Тибо постоянно называл Твин-Пикс Грудями Клеопатры.

– Интересно, могут ли быть груди у небоскребов? – спросил Сол. – Надо будет задать вопрос миссис Уиллис.

Доротея в очередной раз закатила глаза, прикоснулась к своей груди, пробормотала «О нет!» и снова расхохоталась.

– Может быть, «Родс» было названием какого-нибудь здания или отеля? – предположила Кэл. – Что-нибудь вроде Родс-билдинг.

– Разве что название изменилось с тысяча девятьсот двадцать восьмого года, – ответил Франц. – Сейчас, насколько мне известно, в городе нет ничего подобного. А кого-нибудь из вас имя Родс, в связи с Сан-Франциско, наводит на какие-либо размышления?

Все промолчали.

– Интересно, а у нашей несчастной обители имелось когда-нибудь собственное имя? – задумчиво произнес Гун.

– Знаешь, мне тоже хотелось бы это знать, – отозвалась Кэл.

Доротея покачала головой:

– Это просто Гири, восемьсот одиннадцать. Когда-то здесь быть отель, вы знаете, с ночным портье и горничными. Но я не знаю.

– Домус анонимус, – сказал Сол, не поднимая глаз от косячка, который сворачивал.

– А теперь мы закрыть фрамугу, – сказала Доротея и тут же сама осуществила свое предложение. – Ладно уж, дымовой свой трава. Только... Как это сказать?... Не говорить никто.

Остальные дружно закивали.

Вскоре все сошлись на том, что проголодались и вместе отправятся обедать к «Немецкому повару», за угол, потому что сегодня там подают зауэрбретен. Доротею уговорили пойти с ними. По пути она захватила с собой дочку Бониту и молчаливого Фернандо, который обрадовался приглашению.

Франц и Кэл двигались в хвосте компании.

– Но ведь ты воспринимаешь Таффи серьезнее, чем хочешь показать, не так ли? – спросила она.

Он был вынужден согласиться, хотя насчет некоторых из сегодняшних событий испытывал странную неуверенность – вечерний туман, в котором он обычно не видел ничего дурного,

окутывал его разум, словно призрак старого алкоголика. Высоко в небе висел перекошенный диск растущей луны, соперничавший с уличными фонарями.

– Знаешь, глядя на эту штуку в моем окне, я старался как можно туже обуздать фантазию, чтобы не допустить всяких... Э-э... Сверхъестественных объяснений. Я даже предположил, что это могла быть ты в своем старом халате.

– Ну... Это была не я, однако вполне могла бы быть, – спокойно ответила она, – ведь ключ твой у меня есть. Гун отдал его мне в тот день, когда тебе привезли большую посылку, а Доротея куда-то ушла. Я отдам его тебе после обеда.

– Можешь не торопиться.

– Интересно было бы выяснить, что это за Родс, шестьсот семь, – сказала она. – Думаю, что Родос и всю Грецию можно смело отбросить. А вот как назывался дом, в котором мы живем, если он вообще как-нибудь назывался...

– Попытаюсь как-нибудь. Кэл, а что, твой отец действительно клялся именем Роберта Ингерсолла?

– Правда-правда. «Клянусь Робертом...» – и так далее. А также Уильямом Джемсом и еще Феликсом Адлером, выдумавшим этическую культуру. Его единоверцам (по большому счету, безбожникам) это казалось странным, но ему нравилось звучание жреческих речевых оборотов. Он и науку воспринимал как священное действо.

В ресторанчике, где их знали и относились к ним с симпатией, Гун и Сол, под одобрительным взглядом розовощекой официантки, блондинки Роз, тут же сдвинули вместе два соседних столика. Покончив с расстановкой стульев, Сол уселся между Доротеей и ее дочерью, а Гун – по другую руку от Бониты. Девочка была так же черноволоса, как и мать, но уже на полголовы превосходила ее ростом и имела вполне англосаксонскую внешность – худощавая, с удлинненным североευропейским лицом, – и в ее речи типичной американской школьницы не улавливалось никаких признаков испанского. Франц вспомнил, что Доротея вроде бы разведена и отец Бониты, имени которого никто никогда не слышал, был хоть и смуглым, но не испанцем, а ирландцем. И все же девочка, при своем приятно стройном обличье в свитере и слаксах, была несколько неуклюжа и совершенно не походила на ту призрачную торопливо двигавшуюся фигуру, которая этим утром ненадолго встревожила его и пробудила неприятное воспоминание.

Он сел рядом с Гуном, Кэл – рядом с ним, а Фернандо – возле своей сестры. Роз стала принимать заказы.

Гун переключился с эля на темное пиво. Сол заказал бутылку красного вина для себя и обоих Луке. Жаркое было великолепным, картофельные оладьи с яблочным соусом – превыше всяких похвал. Немецкий повар (вообще-то, венгр) Бела, с вечно потным от кухонного жара лицом, превзошел самого себя.

– С тобой на Корона-Хайтс действительно произошло что-то очень странное, – сказал Гун Францу во время паузы в разговоре. – Ты, похоже, оказался на пороге того, что можно назвать сверхъестественным.

Сол, конечно же, услышал эти слова и встрял:

– Ого! Ты же материалист, ученый! И говоришь о сверхъестественном...

– Сол, уймись, – ответил, усмехнувшись, Гун. – Да, я изучаю материю, но что это такое? Невидимые частицы, волны и силовые поля. Совершенно ничего такого, что можно было бы пощупать. Так что не учи бабушку варить яйца.

– Ты совершенно прав, – ухмыльнулся Сол и демонстративно срезал верхушку с поданного ему яйца. – Реальности не существует, есть только личное непосредственное ощущение. Все остальное выводится из него. Даже личность – это умозаключение.

– Я думаю, что единственная реальность это число... И музыка, приходящая к тому же самому. И то, и другое реально и обладает истинной силой, – сказала Кэл.

– Мои компьютеры согласны с тобой, согласны целиком и полностью, – ответил Гун. – Числа – это все, что они знают. Музыка... Что ж, они способны научиться музыке.

– Очень рад, что вы все рассуждаете в одном примерно ключе. Вы же знаете, что сверхъестественные ужасы – это мой хлеб, и даже с маслом, и эта дребедень «Подполье»...

– Нет! – возмутилась Бонита.

– ...и более серьезные вещи, но случается, мне говорят, что никаких сверхъестественных ужасов теперь и вовсе не бывает, что наука уже разгадала (или скоро разгадает) все тайны, что религия – лишь другое название для социального обеспечения и что современные люди уже достаточно образованны и просвещены, для того чтобы не бояться духов, даже понарошку.

– Не смейся меня, – отозвался Гун. – Науки лишь расширяют область непознанного. И, если бог все же есть, его зовут Тайна.

– Посылайте этих отважных эрудированных скептиков к моему мистеру Эдвардсу, или миссис Уиллис, или хотя бы к их собственным потаенным страхам, которые существуют, как бы кто этого ни отрицал. Или ко мне; лично я расскажу им о Незримой медсестре, которая наводит страх на острое отделение в клинике Святого Луки. А еще было... – он вдруг замаялся, покосился на Кэл и закончил: – Впрочем, это слишком длинная история для застольного разговора.

Бониту его слова явно разочаровали. А ее мать воскликнула:

– Но ведь странные вещи бывают! В Лиме. И в этот город тоже. *Brujas*... Как это повашему?... Ведьмы! – Она радостно поежилась.

Ее брат просветлел лицом, уловив нить разговора, и поднял ладонь, дав понять, что желает вставить одно из своих редких замечаний.

– *Hay hechiceria*¹¹, – горячо заявил он, всем своим видом указывая, что ему очень хочется быть понятым. – *Hechiceria ocultado en murallas*. – Он слегка пригнулся к столу, глядя при этом вверх. – *Murallas muy altas*.

Все дружно закивали, как будто поняли его речь.

– Что такое «*hechi*»? – понизив голос, спросил Франц у Кэл.

– По-моему, это значит «колдовство». «Колдовство прячется в стенах. Очень высоких стенах». – Она зябко передернула плечами.

– Хотелось бы узнать, где именно в стенах, – пробормотал Франц. – Замуровано, как болевой излучатель мистера Эдвардса?

– Меня, знаешь ли, Франц, занимает еще одна мысль, – сказал Гун. – Не ошибся ли ты, когда искал с Короны свое окно? Сам же сказал, что крыши походили на море с берега. И тут сразу приходят на ум трудности, с которыми я сталкивался при определении мест на фотографиях звезд или на спутниковых снимках Земли. С этими проблемами, знаешь ли, сталкивается каждый астроном-любитель, да и профессионал тоже. Ведь любому наблюдателю то и дело попадают почти неразличимые места.

– Я и сам об этом думал, – сказал Франц. – И обязательно проверю.

Сол откинулся на спинку кресла:

– Послушайте, а ведь это идея! Давайте-ка, не откладывая надолго, устроим пикник на Корона-Хайтс. Гун, мы с тобой возьмем наших дам, им это понравится. Бонни, что скажешь?

– О да! – восторженно откликнулась Бонита.

На этом обсуждение главной темы закончилось.

– Спасибо за вино, – сказала Доротея. – Но все запомнить: запирайте дверь на два оборота и закрывать фрамугу, когда уходить.

– Если никто мне не помешает, я просплю двенадцать часов подряд, – объявила Кэл. – Франц, ключ я тебе отдам как-нибудь в другой раз.

¹¹ Колдовство существует (исп.).

Сол взглянул на нее.

Франц улыбнулся и спросил Фернандо, как тот смотрит на то, чтобы сыграть в шахматы вечером. Перуанец с улыбкой согласился.

Когда они расплачивались, Бела Славик, как всегда обливавшийся потом, возник из кухни, чтобы выдать сдачу, а Роза крутилась вокруг и придерживала дверь перед выходившими.

Когда они собрались в кучку на тротуаре около ресторана, Сол обратился к Францу и Кэл:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.